

Рис. Г. ВАЛЬКА

— Ругают меня, что я принял на работу жулика и проходимца!.. Откуда же я мог знать, что он жулик!.. Ведь я даже его документов не проверял!

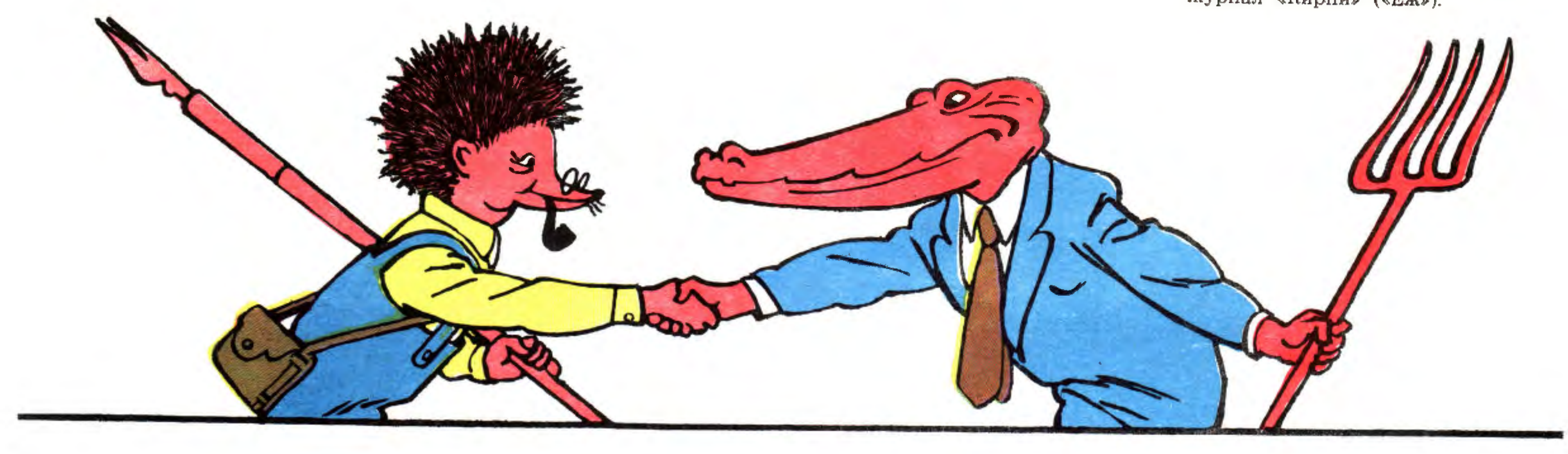
КРОКОДИЛ

№ 18 (1308) МОСКВА 30 ИЮНЯ 1952

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ГОД ИЗДАНИЯ XXXI

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

В Баку начал выходить на азербайджанском языке новый сатирический журнал «Кирпи» («Еж»).

— С днём рождения!

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— Я Цимлянское море знаю вдоль и поперёк!
— Вы моряк!
— Нет, строитель! Я его создавал!

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

СТОРОННИЕ ЛИЦА

Это было в последний день перед отпуском. На столе трезвонили по очереди, а иногда и все вместе три телефона; в кабинет с бумагами на подпись проскальзывали секретарь и управделами; являлись посетители.

Левой рукой Яков Назарыч брался за телефонную трубку, правой подписывал бумаги; коротко разговаривал с посетителями; отдавал последние распоряжения. В его кармане лежали две путёвки в Гурзуф, для себя и для жены. Солнце, море, платаны, кипарисы, магнолии, каштаны, поездка в Ялту, экскурсия на пароходе «Россия» — вот что лежало у него в кармане. И вдруг в эту бочку мёда, как ложка дёгтя, ещё один телефонный звонок...

— Это ты, Зина? Кто приехал? Твой отец приехал? Новое дело!.. Он же собирался осенью... Ну, матушка моя, надо было как-то предупредить. Куда ж его теперь девать? С нами в Гурзуф?.. Нет, это совершенно невозможно... Что? Ты, Зина, не дури, незачем тебе тут с ним оставаться. Позвони попозже, я что-нибудь придумаю...

...Извольте радоваться, чемоданы уложены, поезд отходит в 23.30, а тут, как снег на голову, свалился драгоценный тестюшка из Сызрани! Конечно, можно бы взять старика с собой в Гурзуф. Для Якова Назарыча нет ничего невозможного. Достаточно позвонить Тузову или Громкину, и будет третья путёвка, а для старика — радость и незабываемое впечатление на всю жизнь... Но это влетело бы в копеечку, а Яков Назарыч терпеть не может непроизводительных расходов. У него уже взята со сберкнижки определённая сумма, подсчитаны основные затраты, учтены и непредвиденные расходы. Он не любит стеснять себя на курорте, но зря швырять деньгами он себе тоже не разрешает. Нет, Гурзуф для старика отпадает категорически, и говорить нечего! Но куда его девать? Вот вопрос! Ещё, пожалуй, Зинаида и впрямь заартачится, останется с отцом в Москве. Вот только этого ещё не хватало!..

В кабинет входит посетитель. Это замдиректора по быту одного из заводов, которые в известной мере зависят от Якова Назарыча.

На ловца и зверь бежит! Вот тестюшка и устроен!

Яков Назарыч с небывалой щедростью разрешает заместителю директора то, что в другое время непременно запретил бы. Потом он говорит небрежно:

— Как у вас там, в заводском доме отдыха?

— Нынешний год неплохо, Яков Назарыч. Тесновато, конечно. Хотели сторонним лицам отказывать. Думали полностью своих рабочих удовлетворить, да никак не получается,— замдиректора виновато пожимает плечами.

— Это каким сторонним лицам?

— Ну там родственникам разным и прочим, не имеющим отношения...

— В какую цену у вас путёвки?

— Для сторонних лиц? Триста восемьдесят рублей. А для рабочих — сто тридцать четыре рубля. Завком доплачивает.

— Прекрасно... Вот что, пришлите-ка мне путевку. За сто тридцать четыре рубля.

Замдиректора польщён и одновременно испуган:

— Неужели хотите к нам поехать?

На секунду Якову Назарычу становится неудобно. Но только на секунду... Кого стесняться? Какого-то замдиректора, который целиком от него зависит?

— Нет, я лично еду в Крым. Но тут, понимаете, такое дело, приехал отец жены. Старик. Нужно старику оказать уважение.

Замдиректора отводит глаза в сторону, чтобы Яков Назарыч не прочитал в его глазах мысль: «А почему, собственно, старику нужно оказывать уважение за государственный счёт?» Но мысль — это одно, а факт остаётся фактом: начальство требует путёвку для тестя.

— Через час путёвка будет у вас, Яков Назарыч.

— За сто тридцать четыре рубля!

— За сто тридцать четыре.

— И чтоб отдельная комната, понятно?

В самом хорошем расположении духа Яков Назарыч приехал домой.

— Фёдору Спиридонычу привет! Голубчик, что же вы нас не предупредили о своём приезде? Вместе на курорт махнули бы! Но теперь уже поздно, поздно! Однако не думайте, что зять о вас не печётся. Все кнопки нажал, всех поднял на ноги и добил вам путёвку в лучший дом отдыха. Получайте!

Жена была обрадована и поглядела на мужа благодарным взглядом. Старик растрогался, проводил супругов на вокзал и махал платком вслед уходящему поезду. А наутро укатил в заводской дом отдыха.

Через неделю Зинаида Фёдоровна получила письмо от отца: «Передай поклон и большую благодарность твоему Якову Назарычу. Отдыхаю очень хорошо, чего и вам желаю» и так далее.

Затем долгое время от Фёдора Спиридоныча не было никаких вестей, и только под конец отпуска пришла в Гурзуф открытка, но уже совсем другого, какого-то странного содержания: «Удружил мне твой Яков Назарыч. Знал бы, не поехал. Ну, да у меня своя голова на плечах, чего и вам желаю».

Зинаида Фёдоровна расстроилась и показала открытку мужу.

— Ничего не понимаю,— насупился Яков Назарыч.— Неужели эти подлецы не выделили ему отдельной комнаты? Или не оказали должного уважения отцу моей жены? Приеду, я им хвост накручу! (В интимных разговорах он не стеснялся в выражениях.)

Супруги вернулись домой и застали в своей квартире Фёдора Спиридоныча, который укладывал чемодан.

— Что у вас там произошло? Кто вас обидел? — сразу же приступил к старику Яков Назарыч с видом Зевса-громовержца, который немедленно нашлёт на злополучный дом отдыха громы и молнии, имеющиеся у него в распоряжении.

Фёдор Спиридоныч пожевал губами.

— Никто, собственно говоря, меня не обижал, кроме вас, Яков Назарыч.

— Нельзя ли потолковее? В чём дело? — резко спросил Яков Назарыч.

— А вы на меня тон не повышайте,— спокойно сказал Фёдор Спиридоныч.— Вы мне никакое не начальство, а просто зять. Вот вы и выслушайте меня. Дали мне, конечно, отдельную комнату. Очень хорошую, с видом на речку и сосновый лес. Живу, с людьми перезнакомился. И вот однажды слышу нечаянно такой разговор: «Одолели, дескать, нас эти сторонние лица, ни дна им, ни покрышки! Чьи-то две тёщи по цельному лету живут, а нам в завкоме путёвки на сентябрь да на октябрь всучивают: мест, мол, нету! Каждая тёща по комнате занимает, а мы теснимся по пять, по шесть человек... Какой-то начальник из главка своего тестя устроил по рабочей путёвке, за сто тридцать четыре рубля. Свои денежки экономят, государственных не жалеют!»

Зинаида Фёдоровна схватилась за голову, но Фёдор Спиридоныч похлопал её по плечу.

— Ты, Зиночка, не расстраивайся. Я это дело мигом выправил. Пошёл к заведующей домом отдыха и спрашиваю: «Я как у вас числюсь: обыкновенным отдыхающим или каким-то сторонним лицом?»

— А она что же? — грозно спросил Яков Назарыч.

— Ничего. Она, видать, перед начальством теряется. Отказалась с меня законную доплату получить, хотя я и сказал ей, что, видимо, произошло досадное недоразумение. Но она мне ответила, что никакого недоразумения нет и всё делается в соответствии с распоряжением Якова Назарыча.

— Правильно! — веско сказал Яков Назарыч.

Зинаида Фёдоровна густо покраснела и прошептала:

— Ох, как всё нехорошо!

— Нехорошо, дочка! Вот и мне этак же нехорошо было. Все отдыхающие видят, весь персонал знает: припожаловал с ветру в их дом отдыха какой-то ничем не примечательный старичок, по специальности ветеринар, никакого касательства к станкостроительному заводу не имеющий, и пользуется всеми привилегиями не в пример прочим. Почему, спрашивается? И все отлично знают: потому — тесть начальника!

— У вас, Фёдор Спиридоныч, какие-то крохоборческие настроения,— высокомерно сказал Яков Назарыч.— Разговор из-за рублей. Уж если хотите знать, они мне кругом обязаны! А кроме того вы, очевидно, забыли, что каждый имеет право на отдых...

Фёдор Спиридоныч подошёл вплотную к зятю и погрозил пальцем у него перед носом:

— Я знаю, что я имею право на отдых. Но как трудящийся, а не как стороннее лицо... И я, Зиночка, — обратился он к дочери, — конечно, не пожелал долее отдыхать в такой неподходящей мне роли... Поблагодарил, собрал монатки и вот уже две недели живу в вашей квартире. Сгоряча решил было сразу домой, в Сызрань, да захотелось ещё раз с тобой повидаться. И, кстати, Якову Назарычу выразить... благодарность за заботу. Славно провёл отпуск! — Он поглядел на часы. — А теперь прошу меня извинить, я спешу на поезд.

Они сухо попрощались с Яковом Назарычем. Дочь поехала проводить отца на вокзал.

— Ты меня прости, Зиночка, что так нескладно получилось,— огорчённо сказал Фёдор Спиридоныч,— но только не привык я числиться сторонним лицом, а ещё того хуже — приживалом. А по-моему, сторонние лица — это те, которые всё только для себя норовят: побольше взять, поменьше дать...

— Папа!

— Нет, дочка, ты не обижайся, я персонально на твоего Якова не намекаю. Он, говорят, работник неплохой и человек не маленький. Так зачем же своё солидное звание мелкими поступками порочить? Вот этого я никак понять не могу!

Дзинь!.. Дзинь!..

С левого берега в Волгу смотрится гряда могучих сосен, с правого — дымящиеся трубы Первомайского фарфорового завода. Это оттуда разносится над гладью Волги тонкий, дребезжащий звон.

Вот в сортировочном отделении девушка с размаха бросает в груду черепков цветистую тарелку.

Дзинь!.. Дзинь!..

— Бей мельче, собирать легче! Такую хорошую тарелку — и в черепки?! Не жалко?

— А она вовсе и не хорошая. Это производственные отходы, — отвечают сортировщицы. — Пройдите по заводу, — увидите, сколько их.

Впрочем, производственные отходы зарождаются ещё за двадцать километров от завода, на перевалочной пристани под Щербаковом. Там из железнодорожных вагонов под открытое небо по известному способу «вали валом, потом разберём» выгружается сырьё: гипс, белая глина, розовый камень-пигматит. Оттуда сырьё на баржах подаётся к заводу и по тому же способу сваливается в склады и просто на захламленный двор: всё перемешивается с мусором, с торфом и ржавым железом.

— Ничего! — оптимистически восклицает директор завода тов. Тряпкин. — Перемелется, мука будет.

Да, в массоприготовительном цехе под бегунами и в барабанах тонкого помола всё превращается в муку. Железная ржавчина, торф и случайно попавшие щепки «обогащают» фарфоровую массу.

— Не отсюда ли берёт начало дребезжащий звон «дзинь, дзинь»? Как вы думаете?

— Нет, что вы, масса будет отличная! Пройдёт через сита, через магниты, — отсеется, очистится.

Трудно представить себе, как оно получится, это очищение, но нельзя не заразиться оптимизмом тов. Тряпкина. Уж ему-то виднее!

— Вот здесь масса обретает форму, — добродушно объясняет он. — Это формовочный цех.

Многоэтажные хоры занимают всё пространство цеха. На них доски с бесчисленными розоватыми чайниками, чашками, кофейниками: будто голуби рядками сидят. В узких проходах — туда и сюда — рабочие на поднятых руках несут всё те же доски с голубями-чайниками.

К стенам, точно нетанцующие на маскараде, робко жмутся формовочные станки. В уголках по-сиротски пристроились отдельщица, где приделываются ручки чайникам и чашкам. Сутолока изрядная!

— А почему эти пиалы развалились?

— Доской зашибли, теснота, всё ведь такое хрупкое, сырое.

— Без звона разваливаются? А почему трещины на этих тарелках?

— Рватьё. Ветерком подуло из окна, вот и порвало.

— Но грязь в проходах, тучи пыли, вот этот обитый ржавым железом потолок — это разве не отражается на качестве?.. Вся грязь садится на изделия!

— Ничего! При обжиге всё обгорит. В горне такая температура, что ого-го!

Нет, положительно невозможно устоять против оптимизма тов. Тряпкина!

А вот и пышущие жаром горны, чем-то напоминающие средневековые башни. Один из них только что разгрузили, другой загружают. Кругом груды обожжённой и необожжённой посуды.

Тут же девушки мажут остывшие после горна пиалы каким-то синим составом. Для чего бы это?

— Так обнаруживаются трещины. Вот видите, тянется, как белый волосок: значит, тепловой режим в горнах протекал ненормально.

— Разве его не контролируют?

— Контролировать-то у нас как раз и нечем. Просим, просим у Главфарфора, а они ноль внимания.

— Значит, и эти пойдут в отход? Сколько же всех отходов?

— Процентов двадцать пять наберётся...

Кажется, ничто не может вывести из равновесия руководителей завода, и всё-таки закрадывается сомнение: на чём же, собственно, держится их оптимизм?

— А как у вас насчёт сортности? Сколько даёте высших сортов изделий?

— По плану должны дать четыре процента... а так... ноль целых одна десятая... В общем больше всего у нас второго и третьего сортов. А есть ещё несортная продукция...

Вокруг складов и в дальнем углу двора в огромных штабелях и просто навалом лежит эта самая несортная посуда.

Вот навалом лежат кривобокие чашки.

— Деформация, — добродушно объясняет тов. Тряпкин, — масса непрочная, при обжиге повело.

А вот чайник, будто переболевший оспой.

— Прыщеватость и пузыри... С грязью в глазурь окунули.

Вот кофейник, усыпанный чёрными пятнышками.

— Мушка, в массу попали частицы железа...

— А как же сита, магниты? Вы говорили, что попадание железа исключено.

И тут окончательно теряешь веру в несгибаемый оптимизм тов. Тряпкина. Каждое четвёртое изделие в отход, почти два миллиона изделий вне сорта, вот каков конец!

Впрочем, это ещё не конец.

«Дзинь!.. Дзинь!..» — слышится на складе готовой продукции.

— Прямо повернуться негде. Вчера крыса пробежала, хвостом вильнула — и чашки загремели.

— И почему не вывозят посуду? Скопилось её на миллионы!

— Главфарфор с разнарядками никак дело не утрясёт. На тарелки спустили нарядов больше, чем запланировано к выпуску, а вагоны чайников лежат без нарядов.

И это ещё не конец. Вот идёт погрузка готовых изделий в баржи. С высокого берега по деревянному жолобу скользят одна за другой корзины, полные разрисованных тарелок, нарядных чайников и пиал. Принимающие на барже чуть-чуть замешкались, очередная корзина с налёту натыкается на стоящие внизу.

Дзинь!..

Кувыркаясь в воздухе, летит чайник, усыпанный трогательным синим горошком.

Дзинь!.. Дзинь!.. Куда носик, куда крышечка!..

Дребезжащий звон доносится и до Москвы, до Малых Кочек, до дома 9, где обитает Главное управление фарфорово-фаянсовой промышленности. Но там никого этот звон не тревожит. Не волнует начальника Главного управления тов. Доценко и то, что на заводе из-за отсутствия контрольных приборов восьмой месяц не могут пустить смонтированный мощный дизель. А в ожидании этого источника энергии стоит без движения вакуум-мялка, не внедряется в жизнь механизация. Видимо, нравится руководителям Главфарфора тонкий, дребезжащий звон над Волгой:

«Дзинь!.. Дзинь!..»

В. КУКАНОВ

Песочное-на-Волге,
Ярославской области.

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

— Почему он расшаркивается перед зеркалом?
— Репетирует завтрашнее выступление с критикой работы начальства!

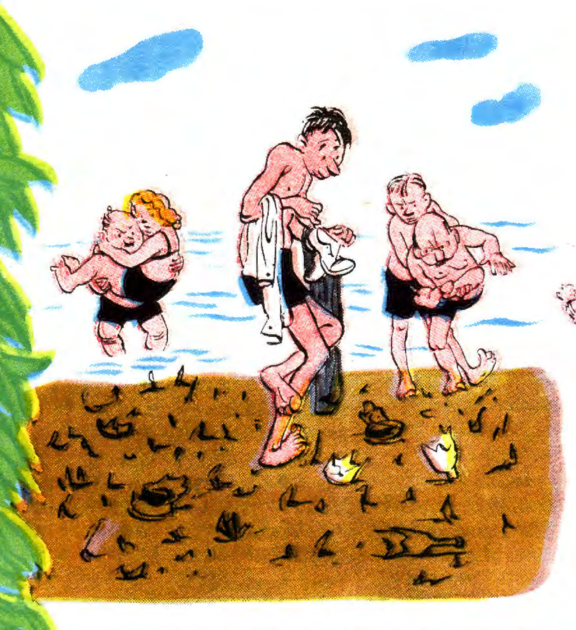
Куда пойти в выходной?

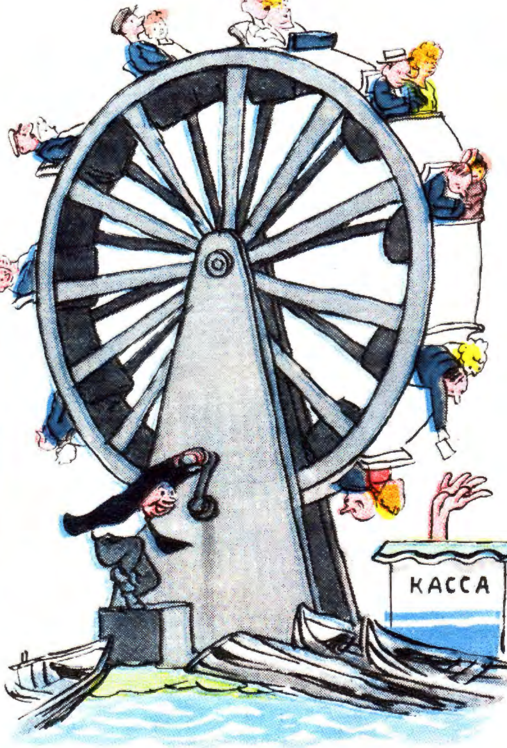
Поначалу этот вопрос может показаться несколько странным. Мало ли где можно провести выходной день! Тенистые парки, нарядные водные станции, благоустроенные пляжи, шумные стадионы, уютные клубы — всё к услугам отдыхающих.

Вот, например, жители Новгорода с удовольствием проводили бы выходной день в своём Кремлёвском парке, но для этого необходимо одно условие — уметь танцевать. Не танцующим там нечего делать. С лёгкой руки администрации парк превращён в большую танцевальную площадку. Танцуют там не только в выходной, но и в остальные дни недели.

Вот уж действительно: от иных административных голов ногам нет покоя.

Многие полтавчане мечтают в выходной день полежать на пляже реки Ворсклы. Но, увы, об этом они могут только мечтать. Взгляните на полтавский пляж — и вы легко поймёте все переживания отдыхающего. Ему и хочется, но... колется.

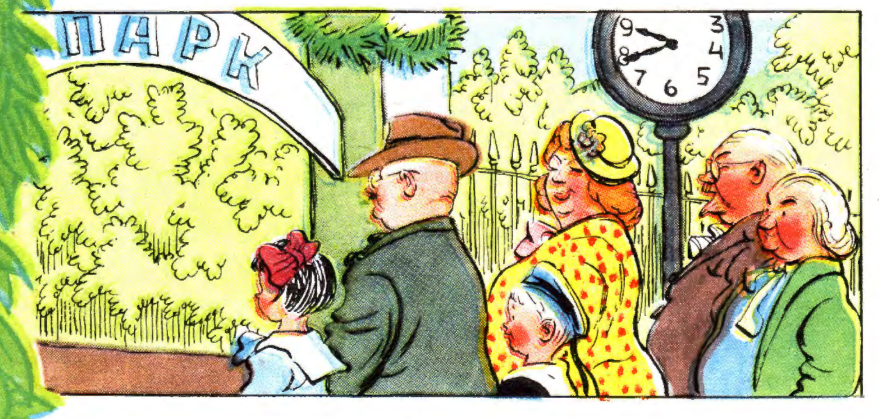

Администрация парка в городе Сталино (Донбасс) подготовила отдыхающим сюрприз. Когда любители водного спорта в выходной день направились к пруду, чтобы покататься на лодках, они вместо лодок на воде увидели чёртовы колёса на суше. Оказывается, администрация парка в погоне за доходными аттракционами отказалась от ремонта лодок и израсходовала деньги на постройку чёртовых колёс, хватаясь за них, как за спасательные круги.

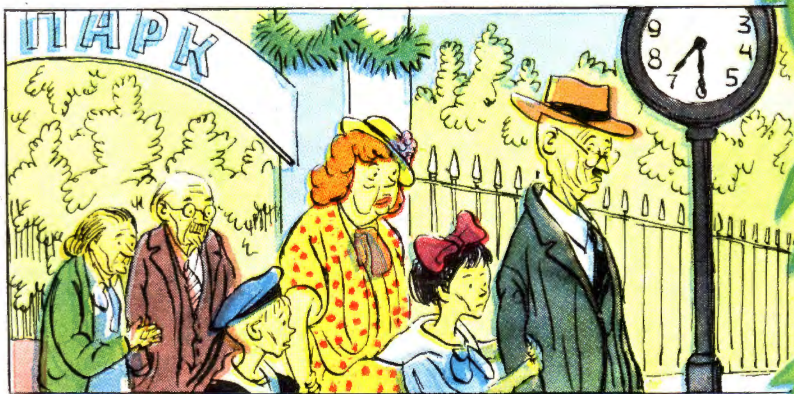

Молодёжь Кисловодска очень любит футбол и выходной день с большой охотой провела бы на стадионе. Но вместо футбола ей приходится заниматься иным видом спорта — бегом, и не просто бегом, а бегом с препятствиями. Она вынуждена бегать из городского исполкома в городской комитет по делам физической культуры и спорта, ходатайствуя о постройке стадиона.

Бег этот по всем признакам носит затяжной характер, и до финиша, т. е. до постройки стадиона, ещё очень далеко.

Если вы хотите похудеть, всячески рекомендуем поехать в Вильнюс. Правда, специальных лечебных заведений для этой цели там не имеется, но зато имеется там Центральный парк культуры и отдыха. Администрация парка, сама не подозревая, придумала ряд эффективных мер, помогающих сбавить в весе.

Их испытала на себе не только изображённая на этом рисунке семья, но и многие граждане Вильнюса, рискнувшие провести выходной день в парке культуры и исходившие его вдоль и поперёк в поисках ресторана, кафе, закусочных или просто киоска с водой, которых днём с огнём в парке не разыщешь.

КУДА ЖЕ ПОЙТИ В ВЫХОДНОЙ?

С этим бестактным вопросом мы обращаемся к лицам и учреждениям, на которых возложена забота об отдыхе трудящихся в Новгороде, Полтаве, Сталино, Кисловодске, Вильнюсе.

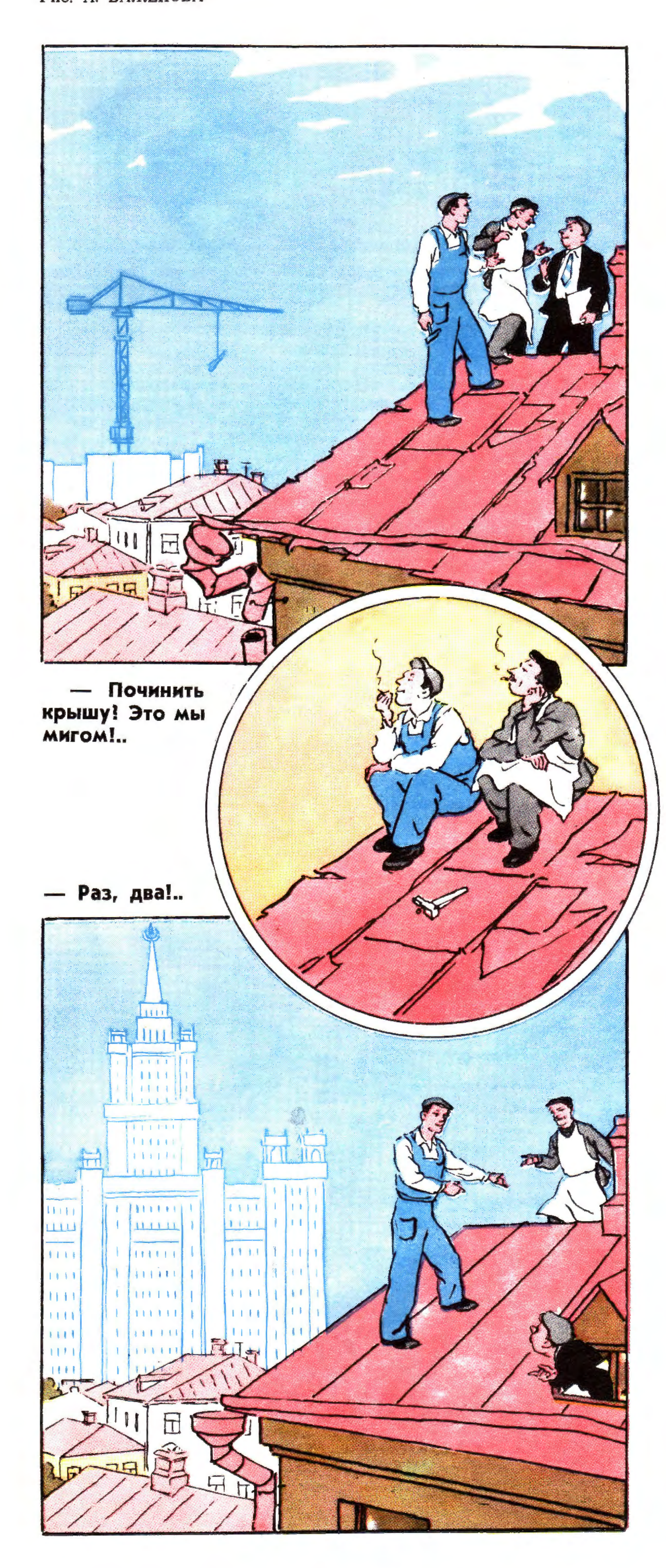
С нетерпением ждём ответа не словами, а делом.

Рис. И. СЕМЕНОВА

(Фактический материал для этой страницы прислан в редакцию внештатными корреспондентами Крокодила И. Максимовым, М. Краевым, А. Поповым, Н. Чернышёвым)

ПО СОСЕДСТВУ С ВЫСОТНОЙ СТРОЙКОЙ

Рис. А. БАЖЕНОВА

— Починить крышу! Это мы мигом!..

— Раз, два!..

— И готово!

КИНЕШМА *лидирует...*

В ЧАСЫ предвечерней прохлады в Кинешме, в горисполкоме, состоялось очередное заседание. Заслушивали отчёт председателя городского комитета физкультуры.

Михаил Викторович Берёзин встал из-за стола, достал отпечатанный на машинке конспект и начал читать:

— Ценой огромного и кропотливого труда... физкультура и спорт стали органической потребностью трудящихся города... На стадионах и спортплощадках жизнь бьёт ключом. Четыре года подряд Кинешма лидирует во всесоюзных заочных спортивных состязаниях. А по итогам прошлого года мы в группе из шестидесяти пяти городов вообще не имели себе равных и заняли первое место. Мы оставили далеко позади Киров, Ярославль, Курск, Орёл...

Докладчик отпил из стакана воды, вытер набежавшие в порыве благородного воодушевления слёзы и замер в величественной позе.

— Обогнать Горький, Киев и Ленинград! — воскликнул председатель горисполкома тов. Зыков, зачарованный такими замечательными итогами.

— Обгоним, — скромно опустил глаза Берёзин. — Горький и Киев — в этом году, а Ленинград и Москву — в будущем. Наши возможности в заочных состязаниях неисчерпаемы.

В ответ раздались бурные аплодисменты.

...А на Кинешму в этот час опускался чудесный летний вечер. Посетители бульвара-парка мечтательно следили за приближающимся по Волге пароходом.

Пароход развернулся против течения, осторожно шлёпая плицами по воде, подошёл к дебаркадеру, легонько подтолкнул его и пришвартовался. На берег сошла группа крепких, загорелых спортсменов с лёгкими чемоданами, бамбуковыми шестами, дисками и копьями в руках.

Раскрылась дверь комитета физкультуры, и комната наполнилась бодрым шумом жизни.

— Здравствуйте! Мы легкоатлеты из Ярославля. Прибыли сразиться очно с победителями заочных состязаний, поучиться мастерству, — сказали гости.

Берёзин растерянно смотрел на них, на сверкающие наконечники копий.

— Может быть, вы заслушаете, как физкультура стала у нас органической потребностью? — предложил председатель городского совета общества «Спартак» тов. Сереберцев, извлекая размноженный на машинке конспект.

— Нет, не стоит, пожалуй! Мы приехали для встречи на стадионе.

— Тогда вот что. Давайте выступать на разных стадионах: мы на одном, а вы на другом, — результаты запишем в протоколы и потом сравним, — неожиданно предложил Берёзин. — А то как выведу тысячи полторы легкоатлетов, на одном стадионе тесновато будет!

— Ничего, в тесноте, да не в обиде, — упорствовали гости.

На следующий день, когда наступило время начала состязаний, гостям-ярославцам пришлось многому удивляться. На старты почему-то явилось не полторы тысячи, а полтора десятка спортсменов. Они стояли кучкой, пугливо озираясь по сторонам.

— Где же ваши остальные легкоатлеты?

— Мы все тут, — потупив очи, отвечали местные.

Потом на беговой дорожке они изо всех сил старались бежать быстро, но почему-то отставали от гостей. Ещё труднее пришлось кинешемцам, когда началось метание копья и диска. Они с любопытством ощупывали полированную поверхность снарядов и с виноватыми улыбками признавались, что ещё ни разу не держали в руках ни копья, ни диска. Больше всего затянулись прыжки в высоту. Местные спортсмены на каждый вызов к планке откликались одним унылым словом: «Пропускаю» — и воздерживались от прыжка.

— Какую же высоту вам поставить? — удивлённо спросили ярославцы.

— Пониже бы, — отвечали кинешемцы. — Мы высоко не умеем...

— Товарищи! — вдруг закричал один из приезжих, держа в руках протоколы судейской коллегии. — Посмотрите, что они пишут!!.

В протоколах рядом с фамилиями кинешемцев, которые ещё копья в руках не держали, стояли цифры изумительных по дальности бросков. Фантастические результаты были приписаны и неумелым метателям диска, прыгунам и бегунам.

— Отдайте мои бумаги и не хватайте их своими руками, раз ничего не понимаете! — петушился секретарь судейской коллегии. — Это копии протоколов заочных соревнований, отправленных во Всесоюзный комитет физкультуры...

Узнав обо всём этом, секретарь Кинешемского горкома ВКП(б) И. М. Мельникова удивилась и опечалилась:

— Мы же заслушивали городской комитет физкультуры! Вот у меня даже текст их отчёта сохранился... — в её руках появился всё тот же размноженный на машинке конспект. — Вот он... «Ценой огромного и кропотливого труда...», «органическая потребность...», «Лидируем...» Так, так! Выходит, они и нас обставили?

В. ИНДИН

г. Кинешма.

Ревизоры

ДЕЙСТВИЕ ПРОИСХОДИТ В 1951—1952 ГОДАХ В ПОЛЕССКОЙ ОБЛАСТИ (БЕЛОРУССИЯ)

Действующие лица:

Филипенко — зав. райсельхозотделом Брагинского района (вместо городничего).

Крот — зав. больницей (вместо попечителя богоугодных заведений).

Ввозченко — директор школы (вместо смотрителя училищ).

Лаврусенко — зав. сберкассой (вместо почтмейстера).

Чернышёв — бывший нарсудья (вместо судьи Тяпкина-Ляпкина).

Одна из дам — жена Чернышёва.

Бухман, Рослин — заготовители Малейковского сельпо (вместо Добчинского и Бобчинского).

Пинчук, Корнюшко — заместители начальника областного управления сельского хозяйства (вместо ревизоров).

Председатель Заречинского колхоза (впрочем, это — лицо бездействующее).

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Явление I

Филипенко, Крот, Ввозченко, Лаврусенко, Чернышёв и одна из дам.

Филипенко. Я пригласил вас с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едут ревизоры с секретным предписанием.

Чернышёв. Как ревизоры?!

Крот. Вот-те на!

Лаврусенко. Вот не было печали!

Ввозченко. Господи боже! Ещё с предписанием!

Одна из дам. Какой сюрприз неожиданный!

Филипенко. Я как будто предвидел: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы... Пришли, понюхали и пошли прочь.

Крот. Да, обстоятельство необыкновенное.

Ввозченко. Зачем же, отчего это? Зачем к нам ревизоры? А... а может быть, это и не ревизоры? Может быть, это лекторы из Мозыря? А?

Филипенко. Эк куда хватил! Ещё умный человек! В наш район — и лекторы! Да к нам лекторы три года едут не доедут!

Чернышёв. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство в Мозыре имеет тонкие виды, оно мотает себе на ус.

Филипенко. Мотает оно или не мотает, а я вас предуведомил. Учтите, что в нашем районе замечены массовые нарушения Устава сельхозартели. А мне известно, что за всеми за вами грешки водятся: нет-нет, да и запустите руку в колхозное добро. **(К Чернышёву.)** Вот вы, например, хоть и судья и вам по чину положено законность соблюдать, однако 300 килограммов картошки в Малейковском колхозе взяли? Взяли. Да супруга ваша в Соболевском колхозе столько же отхватила.

Чернышёв. Ну, я, положим, заплатил.

Филипенко. Знаю я, как вы заплатили: по 42 копеечки за килограмм! А рыночная цена разве такая?

Чернышёв. Я хоть по 42 копейки заплатил, а вот некоторые **(ехидно прищурившись, смотрит на Ввозченко)**... а вот некоторые учёные сено совсем бесплатно в колхозе берут.

Ввозченко. Без намёков. Я ведь тоже намекать умею. Раз на то пошло, так мне один баран из колхозного стада говорил, что товарищ Филипенко «купил» его за 140 рублей, а на рынке за такого все 500 дадут.

Филипенко. Гм... Гм... Это был хоть и жирный, но совсем глупый баран, кроме как на жаркое, он никуда не годился... А вот из Микулицкого колхоза **(смотрит на Крота)** кое к кому четыре барана «пристали», и всего за 400 рублей.

Крот. Во-первых, эти бараны ещё в прошлом году съедены, а во-вторых, кто старое помянет, тому глаз вон.

Лаврусенко **(в сторону)**. Кто куда, а я в сберкассу, а то и про меня что-нибудь этакое... **(Пытается незаметно уйти.)**

Филипенко **(хватает его за фалды)**. Э-э! Куда? Улизнуть от ответственности хочешь?

Лаврусенко. Да я... Да вы... Посудите сами... я всего-навсего... несколько зёрнышек... И то из отходов...

Филипенко. Знаем мы эти зёрнышки! Сто килограммов — хорошее зёрнышко! А насчёт отходов зубы не заговаривайте: мы сами грамотные, понимаем, что значит отходы!

Явление II

Те же, Бухман и Рослин (вбегают, запыхавшись).

Бухман. Чрезвычайное происшествие!

Рослин. Неожиданное известие!

Все. Что, что, что такое?

Бухман. Непредвиденное дело: заготовляем мы...

Рослин **(перебивая)**. Заготовляем мы...

Филипенко. Ох, уж эти мне заготовители! Да говорите же, архибестии, наконец, в чём дело?

Бухман. Заготовляю я, значит, на крахмальном заводе корову, продуктивную... будто бы для Мокрецкого колхоза... Ну вот, заготовил я эту корову по половинной цене, привёл к себе домой... Кхе... кхе... Иду, значит, заготовлять другую корову. Заготовил вторую корову и только успел продать её секретарю райкома Пенькову по сходной цене, как вижу...

Рослин. Э-э-э! Позвольте мне! А то он ещё двух коров да двух телят заготовлял и продавал — до утра будет рассказывать... Так вот, стало быть, как только я отхватил по дешёвке в Малейковском колхозе двух коров, одного вола да одного волика, то и вижу: едут!

Все. Кто едут? Когда едут? Куда едут?

Рослин. К нам едут... Сейчас едут. Ревизоры едут!

Бухман **(посмотрев в окно)**. Приехали! Слезают!

Филипенко. Сон в руку! Спаси и упаси!

Входят заместители начальника областного управления сельского хозяйства Пинчук и Корнюшко.

(Немая сцена.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Явление I

На свиноферме Заречинского колхоза. Входят Пинчук, Корнюшко и председатель колхоза.

Пинчук. Ну, как, председатель, хорош мы доклад в вашем колхозе сделали? А тема-то, тема-то какая животрепещущая: «О мероприятиях по развитию животноводства»! А? Каково?

Корнюшко. А? Каково?

Председатель **(издаёт звук, похожий отчасти на бе, отчасти на ме, а в общем ни бе, ни ме)**.

Пинчук **(подходит к одной из свиней и умильно глядит на неё)**. Ишь ты какая! Розовенькая! Жирненькая! **(Гладит свинью.)** Эх, каналья, и вкусная же ты, должно быть! **(Председателю.)** Надо её на рынке продать. Понял, нет?

Председатель **(недоуменно смотрит на Пинчука и издаёт тот же звук)**.

Пинчук. Понимаешь? Про-дать на рын-ке! То есть так оформить, а я её, шельму этакую, себе возьму. Понял, нет?.. Ишь ты, каналья, похрюкивает, довольна, бестия, чует, что ко мне на стол попадёт.

Корнюшко **(председателю.)** А мне вот эта больше нравится. Продать на рынке и доставить мне. Ясно?

Председатель **(издаёт тот же звук)**.

Корнюшко. Значит, договорились. Всё!

Пинчук и Корнюшко дают председателю по 180 рублей за хрюшку, едут в соседний колхоз и «оформляют» там для себя двух баранов по 5 рублей за килограмм живого веса.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

На сцене те же, что и в первой картине.

Филипенко. Ну, слава богу, пронесло.

Чернышёв. Крысы-то к добру, стало быть, снились. Пришли, понюхали и ушли. Хе-хе-хе!

Крот. Прошу всех ко мне на пару баранов.

Лаврусенко. Эх, я, простофиля: они баранов, а я зёрнышки!

Ввозченко **(Бухману и Рослину)**. А вы испугались, сороки мокрохвостые, и нас испугали!

Одна из дам. Какой сюрприз неожиданный! Хи-хи!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

(Очень не хочется, чтобы она была последней.)

Мозырь. Раннее утро в кабинетах руководителей областных организаций Полесья. Солнечные лучи падают на маленькие и большие бумаги, лежащие на столах и в шкафах. Многие из бумаг пожелтели от времени и покрыты густым слоем пыли. Это жалобы и сигналы о нарушениях Устава сельскохозяйственной артели в колхозах Брагинского и других районов Полесской области. По всему видно, что они будут лежать без движения до тех пор, пока в Полесье не приедут настоящие ревизоры из Минска или из Москвы.

Д. БЕЛЯЕВ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

— Согласно «общему договору», Германии гарантирована независимость!
— Почему же мы не уходим!
— Чудак, кто же здесь тогда будет независимым!

По примеру $тaршего партнера

В КОНЦЕ февраля однообразная жизнь города Куала-Лумпура ознаменовалась крупным событием: генерал Джеральд Темплер официально вступил в должность английского верховного комиссара Малайской федерации.

Речь генерала на специальной торжественной церемонии была кратка, но выразительна. Новый верховный комиссар обещал не щадить сил для подавления мятежников. Присутствующие переглянулись. Осторожный оратор не указал срока, в который он собирался «завершить операцию». О сроках сразу заговорили газеты. Особенно постаралась «Дейли экспресс». По её легкомысленным расчётам, «твёрдые методы борьбы с террористами» должны были дать молниеносный эффект.

Решительные действия генерала особой оригинальностью не отличались. Начал он с традиционного метода запугивания местного населения. Уподобившись глуповскому градоначальнику Фотию Петровичу Ферапонтову, который «столь был охоч до зрелищ, что никому без себя сечь не доверял», Темплер лично прилетел в селение Танджонг-Малим. Не отходя от борта своего бронированного самолёта, генерал приказал обнести селение колючей проволокой, закрыть школу, вдвое сократить норму выдачи риса. Жителям было объявлено, что они имеют право появляться на улицах только в течение двух часов. Остальные 22 часа взрослые и дети обязывались сидеть дома.

Превратив селение в тюрьму, а жителей в каторжан, верховный комиссар заявил, что так будет со всеми, кто «помогает террористам», и отбыл в свою резиденцию. Затем он вспомнил об Иуде и перешёл к подкупу. Две цифры замелькали в газетах, их бесчисленное количество раз передавали по радио: «10 тысяч долларов за каждого руководителя компартии Малайи!», «80 тысяч долларов тому, кто доставит живым или мёртвым секретаря Малайской компартии!»

Не один диктор охрип, выкрикивая обещание расщедрившегося генерала. Предателей среди трудового населения Малайи не нашлось. Ассигнованные на предательство сребреники остались в сейфах верховного комиссара.

Тогда Темплер решил позаимствовать опыт генерала Риджуэя. Артиллерийскую подготовку будущего омерзительного сражения, задуманного малайским гаулейтером, начали многие лондонские газеты. Они, как по команде, затрубили о том, какие преимущества представляет для партизан война в джунглях, как трудно там приходится регулярным частям. Оглушив читателей стандартным набором всяких ужасов, якобы творимых «террористами» в Малайе над невинными английскими джентльменами, лондонские газеты заговорили о самом главном: нужны чрезвычайные меры, необходимо пустить в ход все средства.

И средства в ход были пущены. В конце апреля «Дейли экспресс» сообщила: «Генерал Темплер объявил о своём намерении уничтожить химическим оружием укрытия бандитов в джунглях».

Но это известие опоздало: английские вооружённые силы в Малайе уже применили ядовитые газы.

Неуклюжую попытку оправдать генерала Темплера сделал секретарь обороны так называемого малайского правительства Дэвид. Выступая на пресс-конференции в Куала-Лумпуре, Дэвид заявил: «Эти химические вещества уничтожают только семена и безвредны для людей и животных».

Но, видно, советники Темплера, помогая Дэвиду составлять его речь, что-то недоглядели. Спустя две минуты он заявил, что «химическими веществами уничтожаются заросли по обочинам дорог, в которых могут прятаться партизаны».

Сначала семена, потом заросли. В конце речи Дэвид совсем разоткровенничался: «В дальнейшем химические средства могут послужить для непосредственного удара по живой силе противника».

Как только вести о действиях Темплера дошли до Лондона, в палате общин началась дискуссия. Лейбористы обвинили Темплера в... самоуправстве. Их больше всего возмутило, как генерал без их согласия, самочинно решил применить газы. Сердобольная оппозиция вежливо заметила, что поведение верховного комиссара может пагубно отразиться на женщинах и детях.

Лейбористы, нападая на генерала, не ожидали, как закончится начатая ими дискуссия. А финал действительно был потрясающий. Под дружные аплодисменты консерваторов министр колоний Литтлтон заявил:

«Применение химических веществ в Малайе санкционировано мной!»

* * *

Обещанные газетами сроки уничтожения «мятежников» давно миновали. Почти полумиллионный состав английских вооружённых сил и полицейских частей действует в Малайе. Желательного успеха всё нет и нет. Не помогают ни пушки, ни самолёты, ни танки. Неоднократно битые Народно-освободительной армией Малайи, взбешённые своими поражениями, интервенты пустили в ход яды.

Примеры старшего партнёра по разбою заразительны, но и в Малайе, так же как и в Корее, возлагаемых надежд не оправдывают.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Сергей ШВЕЦОВ

КОРОТКО И ЯСНО

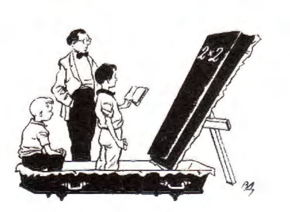
ОБ ОДНОМ ЕВРОПЕЙСКОМ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРЕ

Он, следуя примеру Тьера,
Решил в тюрьму народ загнать...
Французы этого премьера
Тюрьмьер-министром будут звать!

СРЕДИ ГРОБОВ...

Как сообщает американская газета «Нью-Йорк таймс», многие сельские школы в США помещаются в полуразрушенных зданиях, подвалах, гаражах и даже в похоронных бюро.

Здесь под казармы Пентагон
Забрал себе все помещенья,
Оставил лишь подвалы он
Для министерства просвещенья.

Теперь с жилфондом в Новом Свете
Вопрос стоит весьма остро,
И здесь не в школу ходят дети,
А в похоронное бюро...

Трудна в Америке учёба!
Взирают школьники с тоской
На мрачный зал, где крышка гроба
Им служит «классною доской»!

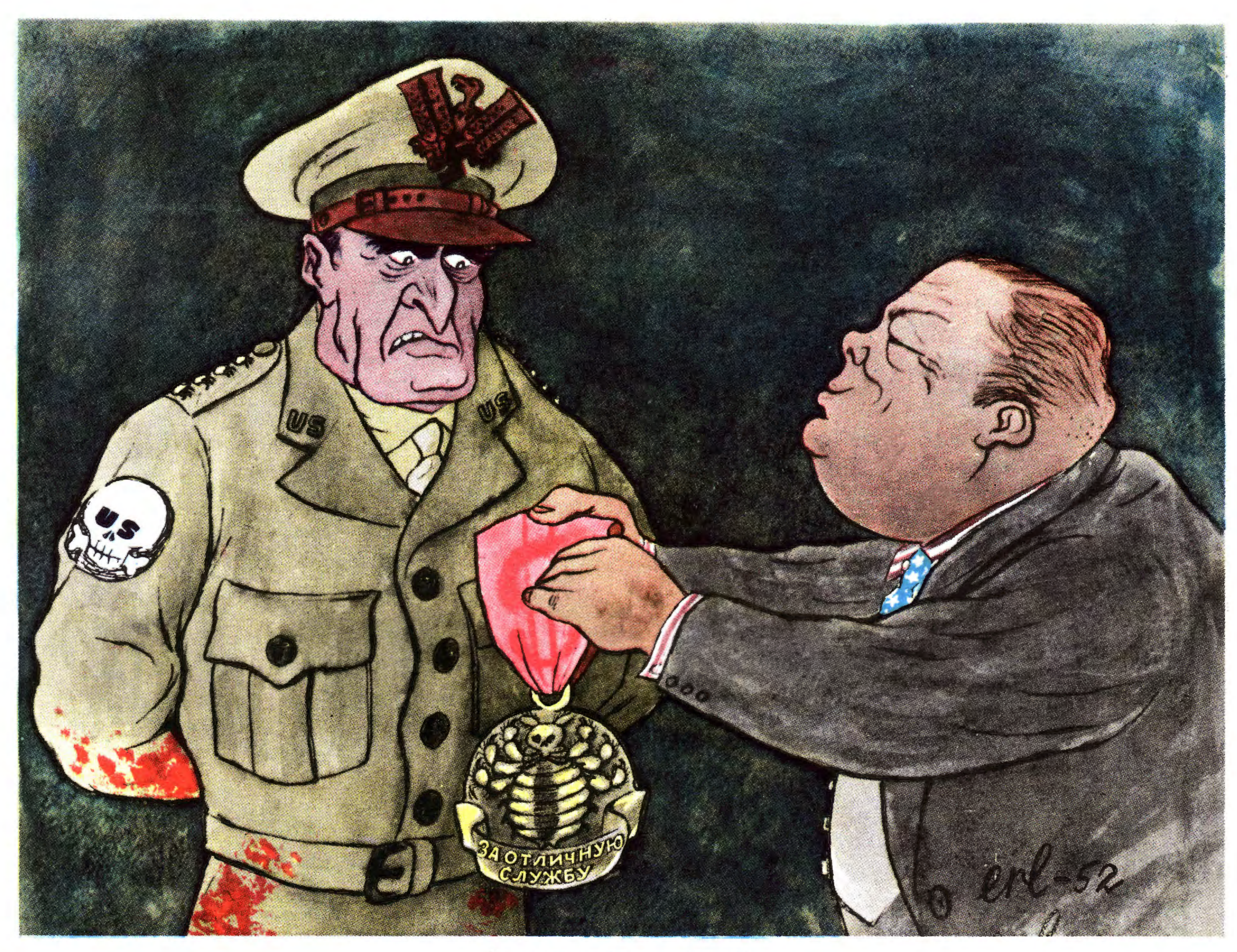
Рис. В. ГОРЯЕВА

Смена главнокомандующих.

Рисунок польского художника Э. ЛИПИНСКОГО, сделанный специально для Крокодила.

Риджуэй награждён медалью ООН «За службу в Корее».

Вошингтонская награда.

Юрий БЛАГОВ

КРОКОДИЛЬСКИЕ ЧАСТУШКИ

По всему Парижу крики
Изо всех летят дверей:
— Люди, делайте прививки,
К нам приехал Риджуэй!

Почему мосье Пинэ
Тянет Францию к войне?
Потому что у Пинэ
Есть задание извне!

Дядя Сэм с холерой вместе
Пойман за руку на месте,
Но клянётся: «Я не я,
И холера не моя».

Ох, узнает канцлер вскоре,
Коль не понял до сих пор,
Что он в «общем договоре»
Подписал свой приговор!

Говорили год назад:
«Мистер Гроу — дипломат»,—
А прочтя его дневник,
Говорят: «Он просто шпик!»

Отличился мистер Додд,
Он в историю войдёт:
Этот бравый генерал
Лихо к пленным в плен попал!

ЗАЩИТНИКИ СВОБОДЫ

Американцы, видимо, ещё не потеряли надежды убедить иных сомневающихся, что они «защищают свободу Кореи». Причём у таких известных палачей, как генералы Кларк, Ван Флит, Боутнер, объявились даже поклонники.

Фермеры штата Калифорния (речь идёт о крупных землевладельцах-капиталистах), на первый взгляд,— вполне мирные поселяне. Они по-своему преломляют идеи «защиты свободы». В городе Салинасе живёт некий мистер Х. Стробел. Он разводит салат и очень любит поговорить о достоинствах этой популярной травки в кругу друзей-фермеров. Как сообщает американская газета «Дейли уоркер», мистер Стробел недавно произнёс очередную пламенную речь на съезде организации фермеров штата Калифорния «Ассошиэйтед фармерс». Однако на сей раз он ни словом не упомянул о салате и не пытался пропагандировать методы его выращивания. Вот что говорил Стробел:

— Друзья! Сейчас нам, фермерам, трудно приходится. Рабочие-мексиканцы жалуются на плохую оплату и невыносимые условия жизни. Необходимо выяснить причины жалоб и устранить эти причины...

Фермеры сначала не смекнули, куда клонит Стробел. Но оратор тотчас рассеял их подозрения.

— Рабочие жалуются, потому что у них есть какие-то права,— надрывался он.— Рабы нам нужны, вот кто. И жалоб тогда никаких не будет!

Сокрушительная логика и редкое человеколюбие оратора потрясли слушателей и привели их в неописуемый восторг.

— Где мы возьмём рабов? — развивал между тем свои идеи Стробел.— А для чего, спрашивается, наши парни поехали в Корею? Мы с Чарльзом Кимом, нашим общим другом и всеми уважаемым фермером, уже ведём переговоры с южнокорейским консулом. Он обещает всё устроить. Я думаю, дешёвая рабочая сила из Кореи — неплохой бизнес, а?..

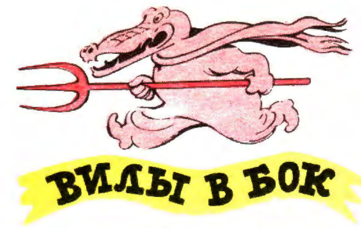
Один за другим делегаты превозносили до небес мистера Стробела. Корейцы не будут жаловаться (пусть попробуют!), платить им можно мало (да и стоит ли вообще?), а работать они будут не меньше пятнадцати часов в день (а то и больше!). Дельная голова у этого Стробела, что и говорить!

Засим съезд решил создать «комиссию по вопросу импорта сельскохозяйственной рабочей силы». Её возглавил сам Стробел. Поблагодарив делегатов за оказанное доверие, он поинтересовался, сохранятся ли дела комиссии в тайне. На это Чарльз Ким прямолинейно ответствовал:

— Конечно. Всё будет обделано очень чисто.

Разумеется, не скромность побудила мистера Стробела искать таинственности, а те же самые соображения, какие побуждают его соотечественников болтать о «защите корейской свободы». Этим фальшивым лозунгом американские дипломаты всё ещё пытаются прикрыть грязные дела боутнеров и стробелов. Но не только борющаяся Корея,— узники залитого кровью Кочжедо разъясняют непрошенным «защитникам»: «Нас не сломишь, нас не запугаешь, нас не сделаешь пушечным мясом и американскими рабами».

С. ИВАНОВ

ОТХОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ

Плагиат — старый отхожий промысел, которым охотно занимаются лентяи и лежебоки в поисках лёгкого хлеба.

В самом деле, к чему обременять себя непосильным трудом, когда какой-то трудолюбивый чудак уже давно это сделал: подумал, сочинил, написал? На долю плагиатора остаются лишь... клей и ножницы.

Так именно и поступил П. С. Зузолин, житель Владивостока. Поручено ему было составить брошюру «Временное практическое руководство по вопросам технического нормирования».

Взял Зузолин лист бумаги и приступил к работе. Первым делом написал заглавие. И сразу почувствовал себя утомлённым.

Решил Зузолин в дальнейшем экономить свои силы. Он взял в библиотеке изданную несколько лет тому назад в Москве книжку Б. М. Лызлова «Основные вопросы технического нормирования» и в поте лица своего стянул из этой книжки почти половину. Причём он настолько бережёт своё здоровье, что не потрудился сделать какие-нибудь изменения или поправки.

И поэтому все, даже корректурные и типографские, ошибки, вкравшиеся в книгу Лызлова, вкрались и в «сочинение» Зузолина.

Есть основание полагать, что вскоре за подписью Зузолина появятся тем же манером и поэмы и романы. Что ему стоит переписать и перепечатать?

„ДЛЯ ДРУГА ВСЕ НЕ ТУГО"

— Здесь дом мой будет заложён! — объявил начальник автогаража строительно-монтажного управления № 3 тов. Комиссаров, обнаружив уютное местечко на станции Жигули. И тотчас же распорядился перебросить на будущую стройку лесоматериал, предназначенный для ремонта кузовов автомобилей.

Не стал начальник мудрить и с поисками средств для сооружения здания. По его указанию шофёр Буянов занялся коммерческой деятельностью — перевозить на служебной машине пассажиров и товары различных торговых организаций, а вырученные деньги делить пополам с Комиссаровым.

Вскоре дом был сооружён. Рядом, как в сказке, выросли надворные постройки...

Такой домишко, как шило в мешке, не спрячешь. Начальник строительно-монтажного управления № 3 тов. Голышев быстро заметил «шалости» своего подчинённого. Но Голышев не только начальник, но и друг. Недаром пословица говорит: «Для друга всё не туго». Для друга всё можно сделать, даже сделать вид, что ничего не замечаешь...

ПРОБЛЕМА РЕШЕНА!

Как рационализировать процесс наложения административных взысканий? Эта актуальная проблема долго волновала тов. Меланченко, начальника Краснодарского отделения Северо-Кавказской железной дороги. Но вот у него мелькнула блестящая идея.

Быстрый на руку тов. Меланченко издал тиражом 5 тысяч экземпляров стандартные бланки приказов о наложении административных взысканий. Текст бланка составлен исчерпывающе: остаётся только вставить фамилию провинившегося, в четыре строки описать историю проступка и на четырёх же строчках дать волю административному гневу — вывести меру наказания.

Рационализатор удовлетворённо потирает руки:

— Теперь, пожалуйста, товарищи железнодорожники, нарушайте дисциплину, сколько вам угодно. Приказов на всех хватит!

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ

На чрезвычайно прочное основание опирается приказ № 14 директора ремонтно-механического завода Калининского областного дорожного отдела тов. Киселёва:

«§ I. В связи недостаточной проверкой документов при приёме на работу рабочих оказалось большое количество летунов и разгильдяев, потерявших шоферских правов и временно устроились на завод. В следствие чего ежедневно поступают заявления о увольнении.

Приказываю:

1. Уволить с производства летунов по собственному желанию следующих:

2. Левинского Я. М.

Основание: Заявления перечисленных товарищей».

Директор стыдливо умалчивает о том, кто и на каком основании подписывал приказы о приёме на завод «большого количества... летунов и разгильдяев». Возможно, он сам? Тогда позволительно спросить: на каком основании он превратил завод в проходной двор?

ЯКОБЫ ПРИЛИЧНО...

Упорхнув тайком из семейного гнезда, А. А. Кудрявцев оставил жену с сыном в Петрозаводске, а сам улетел на юг, где пристроился в отделе рабочего снабжения треста «Будённовуголь».

Жена обратилась за помощью о взыскании с беглеца алиментов. И вот главный бухгалтер орса Корчак дал ей совет: забыть Кудрявцева, «встретить себе достойного человека, которому и посвятить остальную часть жизни».

Желая, видимо, утешить мать и жену, он тут же добавил:

«Ваш бывший муж женат, материально устроен хорошо... ведёт себя прилично». А о том, зачем к нему обращались, ни слова!

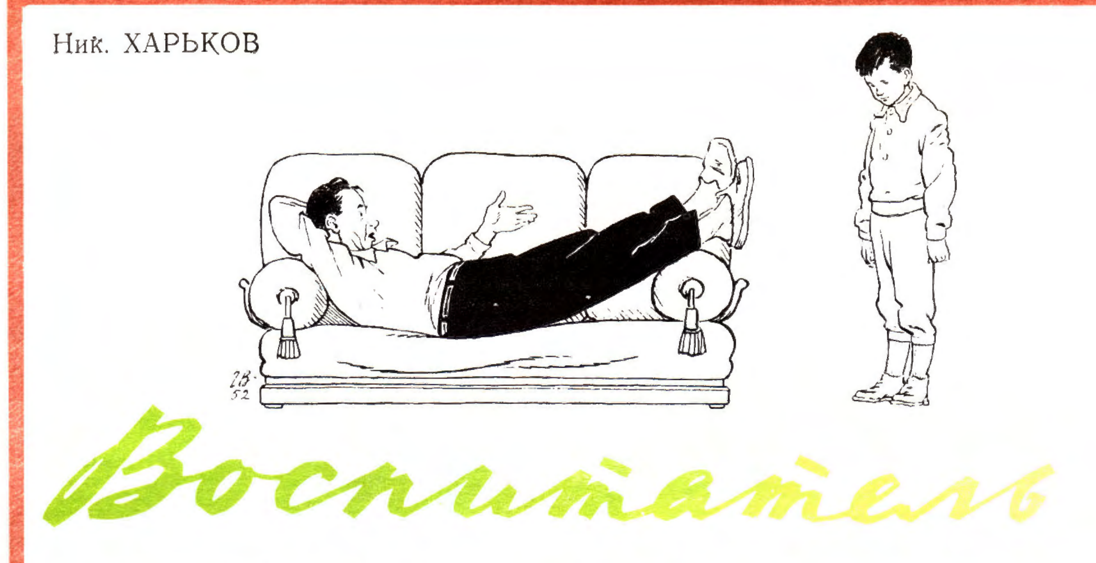
Неужели Корчак считает этот ответ приличным? Впрочем, вполне возможно. Считает же он приличным поведение Кудрявцева, бегающего от уплаты алиментов!

Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА

В Казахской ССР, Астраханской, Саратовской, Сталинградской областях много сенокосильных машин не отремонтировано.

— Удобный агрегат! Есть на чём посидеть и отбить косу!

Ник. ХАРЬКОВ

Воспитатель

Воскресный вечер семиклассник Борис Тимофеев понуро стоял у окна и, надув губы, нервно теребил оконную тюлевую занавеску. Николай Петрович полулежал на диване, мял в руках потухшую папироску и вот уже с полчаса предъявлял сыну свои отцовские претензии:

— Когда же ты наконец возьмёшься за ум?.. Не дёргай занавеску!.. У тебя на осень экзамен по алгебре! А ты о чём думаешь? Что у тебя в голове?.. «Зениты» и «Спартаки»? «Динамо», что ли, за тебя, лодыря, пойдёт сдавать алгебру? А?.. Я тебя спрашиваю... Больше чтобы никаких футболов! Имей это в виду. Сколько у тебя футбольных денег?

— Четыре рубля... шестьдесят копеек...

— А в алгебре какие две рублёвые бумажки заложены?

— Это булочные. Я на булках сэкономил...

— Сейчас же подай сюда!

— Папа! Я хотел сегодня... в последний раз! Понимаешь, полуфинал! «Шахтёр» с «Электриком»...

— Никаких «Электриков»! Двойка по алгебре, а ему на стадион! Шестьдесят копеек можешь оставить себе. Остальные получишь после экзаменов... Если, конечно, сдашь...— Николай Петрович пересчитал деньги и сунул их в карман.— А теперь марш в свою комнату! Выключи радио. Сиди и занимайся!

Борис почувствовал себя опустошённым, ограбленным, разорённым; зажав в кармане жалкие гривенники от своих капиталов, он выключил радио и исчез за дверью.

В кухне что-то рубили, звенели посудой. Это Анна Ивановна готовила вечернюю закуску. Часы показывали без четверти семь. Николай Петрович охнул и вскочил с дивана. Диван тоже охнул и застонал старыми пружинами. Николай Петрович заметался по комнате. На обеденный стол он расстелил большой лист бумаги, на бумагу поставил пластмассовую коробочку с домино, два отлично очинённые карандаша, пепельницу, спички, пачку папирос.

Часы начали отбивать семь, и одновременно в передней застучали в дверь. Николай Петрович поспешил в переднюю.

— Секунда в секунду! — приветствовал он гостей, открыв дверь.— Молодцы!

— Молодцы, да не все,— угрюмо буркнул гость в светлосером костюме и соломенной шляпе.

— Да! Позвольте! Где же Брызгалов?— встревожился Николай Петрович.

— В область сегодня уехал. Телеграммой облфо вызвал, будь они неладны!— выпалил второй гость, будто сообщая о внезапной катастрофе.

— То есть позвольте... это... это...— попятился Николай Петрович и стукнулся затылком о косяк.— Это как?

— А вот так и уехал!—басил гость в соломенной шляпе. — Да что ты в дверях застыл? Пусти хоть в комнату.

Почти каждое воскресенье, ровно в семь вечера, Николай Петрович встречал этих гостей: Войлокова—бухгалтера райфо, Дикушкина—бухгалтера дрожжевого завода—и Брызгалова—бухгалтера районного отделения связи. Вместе с Николаем Петровичем—бухгалтером райздрава—это был постоянный и неизменный квартет страстных, неутомимых «бойцов» в домино. И вот сейчас три партнёра, которые целую неделю лелеяли мечту в воскресенье «забить козла», переживали катастрофу.

Три бухгалтера стояли в комнате в такой подавленной растерянности, будто у них не утвердили квартальные отчёты или—тьфу, тьфу!—государственный контролёр зафиксировал в акте недостачу оправдательных документов. Приготовленный для игры стол дразнил, раздражал, злил. Воцарилась долгая, тяжёлая пауза... Стало отчётливо слышно секундное тиканье будильника...

— Что же, придётся втроём... С «базаром»?

— Какая же игра с «базаром»? Это несерьёзно...

— «Морской козёл» и—втроём?.. Чепуха!..

За закрытой дверью вдруг послышалось однотонное, заунывное причитание:

— Квадрат суммы двух чисел равен...

Трое партнёров разом вздрогнули и одновременно повернули головы к двери.

— Квадрат суммы двух чисел...— жалобным стоном доносилось через дверь.

— Борис?.. Дома?..— зашептал Войлоков, взмахнув соломенной шляпой.

— Бория!—всхлипнул Дикушкин.

— Тсс!..—сердито зашипел Николай Петрович.— Он наказан. По алгебре на осень экзамен...

— Так в чём дело?—потирая руки, спросил Дикушкин. — А?..

— Я же говорю: экзамен, иначе в восьмой не перейдёт.

— Ах, Николай Петрович,—забасил Войлоков,— все мы в своё время получали двойки по алгебре! И нечего волноваться...

Дикушкин и Войлоков подхватили хозяина под локти и, энергично жестикулируя, зашептали ему что-то в оба уха, не сводя глаз с двери в комнату наказанного математика.

Наконец Николай Петрович стряхнул со своих локтей руки друзей, нахмурился, оглушительно откашлялся и мрачно крикнул:

— Борис!

Из дверей высунулась сначала рука с учебником алгебры, потом всклокоченная голова неуспевающего семиклассника.

— Да, папа... Ах, здрасьте, Иван Иваныч! Здрасьте, Василь Василич!

— Так имей в виду!—погрозил пальцем Николай Петрович. — Я на ветер слова не бросаю!..

— Я, папа, занимаюсь..— покраснел Борис и повертел учебником.

— Занимаюсь! Знаю, как ты занимаешься! Глядишь в книгу, а видишь... этого... Какой толк от таких занятий? Механическая зубрёжка! Вот что... Гм... гм... Оставь на время алгебру. Сделай перерыв и того... сядь-ка с нами за четвёртого партнёра...

— Выручи, Бория!—жалобно попросил Дикушкин.

— Это даже полезно,— авторитетно пробасил Войлоков,— проветрить мозги... И... домино—тоже математика!

Учебник алгебры описал в воздухе стремительную кривую и полетел за дверь. Борис, едва сдерживая неожиданную радость, подошёл к столу. Влечение к домино у него было наследственное, потомственное, от папаши.

— Но у меня только шестьдесят копеек...— вынул он из кармана мелочь и укоризненно взглянул на папу.

— Ничего, ничего!—замахал руками Дикушкин.— Мы по маленькой... С «козла» по двугривенному.

— На, возьми свои деньги! — выкинул свёрнутую пачку бумажек Николай Петрович.— Садитесь, товарищи!..

Все вдруг громко заговорили, задвигали стульями, потянулись к папиросам, будто с плеч спала тяжесть.

...В двенадцатом часу, когда Анна Ивановна появилась с подносом и закуской, утомлённые партнёры подытоживали на бумажном листе колонки цифр и производили взаимные расчёты.

В самом большом проигрыше был Николай Петрович со своим партнёром. Им сегодня явно не везло. А вот у Бориса с Дикушкиным была удача. И школьник улыбался до ушей, подсчитывая свою долю выигрыша.

— Папа!—крикнул он, возбуждённый игрой.— За тобой три семьдесят. Ты сейчас уплатишь или записать?

— Что?!—сердито уставился на сына Николай Петрович.— Что такое?.. Как?.. Ты ещё здесь?.. А алгебру за тебя кто учить будет? Кто?.. Марш в свою комнату! Сию минуту!..

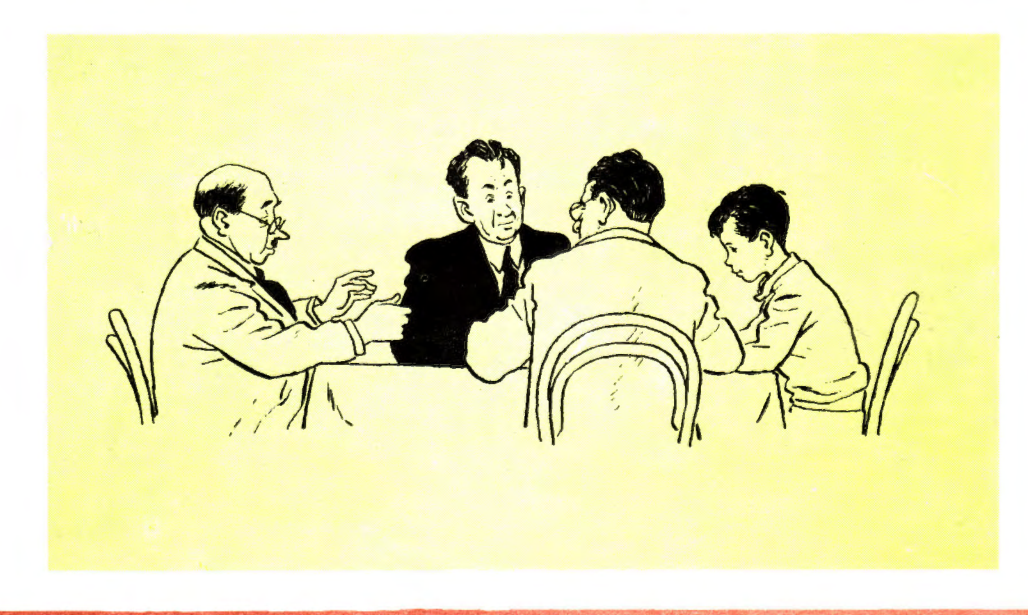
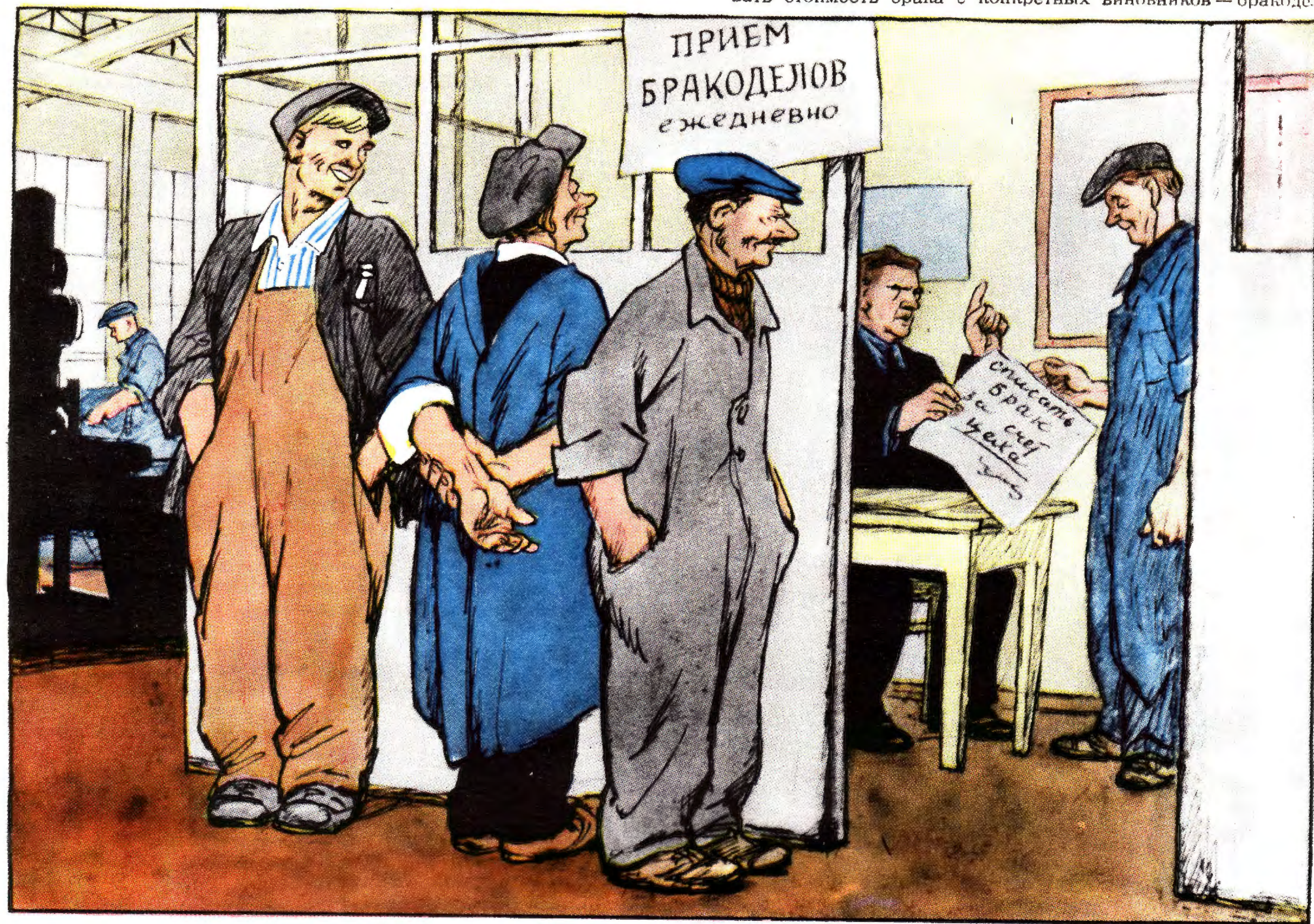

Рис. Ю. УЗБЯКОВА (по теме Н. Самойлова, Коломна)

Заместители начальника первого механического цеха Коломенского паровозоремонтного завода тт. Аладинский и Ламтешкин на браковочных извещениях писали: «Виновен цех»,— вместо того чтобы взыскивать стоимость брака с конкретных виновников — бракоделов.

Отпущение грехов.

МОТОРИЗОВАННАЯ ХАЛТУРА

Таинственный автомобиль впервые появился на улицах Калуги в марте этого года. Водитель с торжественной медлительностью провёл машину по главной магистрали города. Калужане с любопытством глядели вслед «Победе» цвета беж, на ветровом стекле которой красовался устремлённый вперёд Крокодил с вилами наперевес.

— Кто бы это мог приехать? — гадали горожане.— Не пожаловал ли к нам Крокодил?

Последующие события разъяснили загадку. На стенах домов появилась театральная афиша с тем же Крокодилом.

— Ага! — сказали калужане.— Корреспонденты Крокодила не только пишут, но и читают со сцены свои фельетоны, пляшут и поют.

Впрочем, такое заключение сделали не только калужане. И в районах области пассажиров бежевой машины принимали за бригаду журнала. Эту версию, рождённую афишей, охотно поддерживал руководитель Александр Мерлин.

— Мы дадим вам бичующую сатиру,— говорил он в клубах.— Учтите, что вы имеете дело с Крокодилом. Как автор фельетонов, конферансов, реприз, интермедий, политсатир, а также памфлетов, ответственно вам заявляю, что мы выдадим первоклассный товар!

Затем следовал концерт, где наш сатирик обрушивал на головы беззащитных зрителей многопудовые остроты, тяжеловесные вирши и интермедии собственного изготовления. В течение вечера зрители узнавали много любопытного. Оказывается, у Мерлина есть дядя, а у дяди золотые часы с цепочкой, что дало повод Александру Сергеевичу Пушкину написать «златая цепь на дубе том». Помимо дяди, у сатирика имеется тёща, которой, увы, как и всем тёщам нашей планеты, давать на хранение деньги ненадёжно. О тёщах он ещё знает песенку «Один зять и семеро тёщей». Кроме того он знает и другую песенку: «Маруся отравилась солёным огурцом». По уверениям Мерлина, его следует считать стахановцем-многостаночником, потому что он работает за четверых: даёт программу, играет, поёт, «читает сатиру».

— Может быть, ты ещё хочешь стать стотысячником? — спрашивает его партнёрша.

— Стотысячником? Неплохо. Да где эту облигацию достать? Вот выиграл бы я сто тысяч... я бы всем артистам... ни копейки не дал,— мило острит Мерлин.

Но нашего сатирика интересуют не только деньги. Иногда он готов помечтать на сцене о будущем. Вот какими вдохновенными стихами он его описывает:

Куда ни глянешь, всюду сад,
Слева сад, справа сад,
Сзади сад, ну и спереди сад.

И далее он оповещает зрителей, что когда зацветут эти сады, он, Александр Мерлин, обнимет свою партнёршу и они «пойдут любоваться ими».

Вся эта пошлятина почему-то очаровала заведующего калужским областным отделом по делам искусств Леонтия Никитовича Чемезова и директора концертно-эстрадного бюро Александра Николаевича Коняшина. Они выписали Мерлина из Орла, подобрали ему бригаду, снабдили крикливой афишей с маркой Крокодила и пустили его колесить по Калужской области.

Прибыв в Калугу, мы первым делом попросили тов. Коняшина помочь нам увидеть орловского сатирика. Как ни странно, Александр Николаевич не выразил необузданных восторгов по поводу возможной встречи Крокодила с его самозванным эстрадным двойником. Наоборот, тов. Коняшин всеми силами старался отдалить сладостный миг встречи. Бежевая «Победа», следуя приказаниям из Калуги, заметалась из района в район с такой быстротой, словно её пассажиры решили установить новый рекорд скорости. Затем она исчезла без вести. Тут-то Александр Николаевич высказал леденящую душу догадку: машина потерпела аварию. Эта драматическая версия продержалась около двух суток. Только после энергичных просьб директор концертно-эстрадного бюро сообщил, что, по последним оперативным данным, сатирик находится в районе Малоярославца.

Мы поспешили на место происшествия и застали бригаду Мерлина в клубе Ермолинской фабрики. Сатирик резвился на сцене целый вечер. Мы прослушали все его остроты о глупом, как дуб, дяде, о тёще, многостаночнике, витаминах и обозрение «Вилы в бок», в котором цитировался фельетон из Крокодила, никогда не печатавшийся в журнале.

После концерта бригада села в свою машину и укатила в Боровск.

Пока Комитет по делам искусств РСФСР не спеша размышляет над тем, какие преграды поставить на пути халтурщика к эстраде, халтурщик обзавёлся автомашиной и стал более мобильным.

Особенно страдают от набегов моторизованной халтуры районы, расположенные у автострад. И, как правило, халтурщиков никто не останавливает. Об этом как нельзя лучше свидетельствует рейд эстрадника Мерлина, который за несколько месяцев исколесил вдоль и поперёк всю Калужскую область.

С. ШАТРОВ

г. Калуга.

Рис. Ю. ГОРОХОВА

— **У меня есть превосходная тема для маленького рассказа!**

— **Пишешь!**

— **Нет, никак не могу придумать, как из неё большой роман сделать!**

Рис. С. ЗАБАЛУЕВА

— **Ребята, у вас в школе учат быть вежливыми!**

— **Да! Но сейчас каникулы!**

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА

О СДЕРЖАННЫХ ГЕРОЯХ И НЕВНИМАТЕЛЬНЫХ РЕДАКТОРАХ

Почти одновременно в двух издательствах — в «Молодой гвардии» и в Профиздате — вышла книга Ивана Никитина «Они вступают в жизнь».

Строгий и взыскательный читатель книги инженер Д. Давыдов обратил внимание на баснословную сдержанность героев книги.

В самом деле, в книге, выпущенной Профиздатом, герои выглядят довольно странно:

«Ира **сдержанно** ответила на приветствия» (стр. 5).

«Ира с Машей **сдержанно** засмеялись...» (стр. 10).

«Рябинин, **сдерживая** улыбку, слушал бойкую девушку...» (стр. 11).

«Помню,— **сдержанно** отозвалась Зоя» (стр. 35).

«Рябинин, подметив её смущение, **сдержанно** улыбнулся» (стр. 37).

«Про Холмогорова Кутузов говорил **сдержанно**» (стр. 54).

«Ира доброжелательно посмотрела на мастера и даже **сдержанно** улыбнулась» (стр. 67).

«Галя подошла к ней и, **сдержанно** улыбаясь, сказала...» (стр. 70).

«Ира по голосу узнала, кто кричал, и **сдержанно** улыбалась» (стр. 73).

«В его весёлом взгляде и **сдержанной** улыбке чувствовался тот прежний отец» (стр. 81).

«...в библиотеку влетел Кутузов и **сдержанно** крикнул» (стр. 86).

«Зоя в упор смотрела на него и **сдержанно** улыбалась» (стр. 94).

«Вера Старчёнок на этот раз улыбнулась **сдержанной** улыбкой» (стр. 107).

«Ира **сдержанно** рассмеялась» (стр. 237).

«Галя **сдержанно** посмеивалась» (стр. 246).

«Вера со **сдержанной** улыбкой...» (стр. 108).

«— Правда,— **сдержанно** отозвалась Вера» (стр. 108).

«Борис подумал и **сдержанно** усмехнулся» (стр. 119).

«— Значит, ты хотел схитрить? — **сдерживая** смех, спросил Борис» (стр. 130).

«Борис промолчал, но не мог **сдержать** весёлой улыбки» (стр. 132).

«Макаров **сдержанно** усмехнулся» (стр. 154).

«— Но здесь ведь не завод, а ремесленное училище,— **сдерживая** раздражение, отвечал Белобородов» (стр. 164).

«Добрынина, **сдерживая** улыбку...» (стр. 170).

«Ира засмеялась и **сдержанно** сказала...» (стр. 173).

«Добрынина... встретив ясный взгляд Иры, **сдержанно** сказала...» (стр. 174).

«Началась дружная перекличка **сдержанными**, но задорными голосами» (стр. 178).

«Зоя **сдержанно** улыбнулась» (стр. 184).

«Вера **сдержанно** сказала...» (стр. 192).

«Она повернулась к нему и **сдержанно** рассмеялась» (стр. 193).

«Она блеснула глазами и **сдержанно** усмехнулась» (стр. 273).

«Матвей **сдержанно** улыбался» (стр. 281).

«Зоя **сдержанно** улыбалась» (стр. 284).

«Галя **сдержанно** сказала ей...» (стр. 383).

«Ира **сдержанно** улыбалась» (стр. 279).

«Но Борис очень **сдержанно** относился к этой белолицей черноглазой девушке. Уж слишком она строгая и не по летам **сдержанная**» (стр. 306).

«Всегда **сдержанная**, суровая!!!» (стр. 308).

«Вера **сдержанно** улыбалась» (стр. 344).

«...сказала Вера и **сдержанно** рассмеялась» (стр. 345).

«Софья Павловна, **сдерживая** улыбку, обняла Иру и продолжала» (стр. 373).

«Галя **сдержанно** сказала ей» (стр. 383).

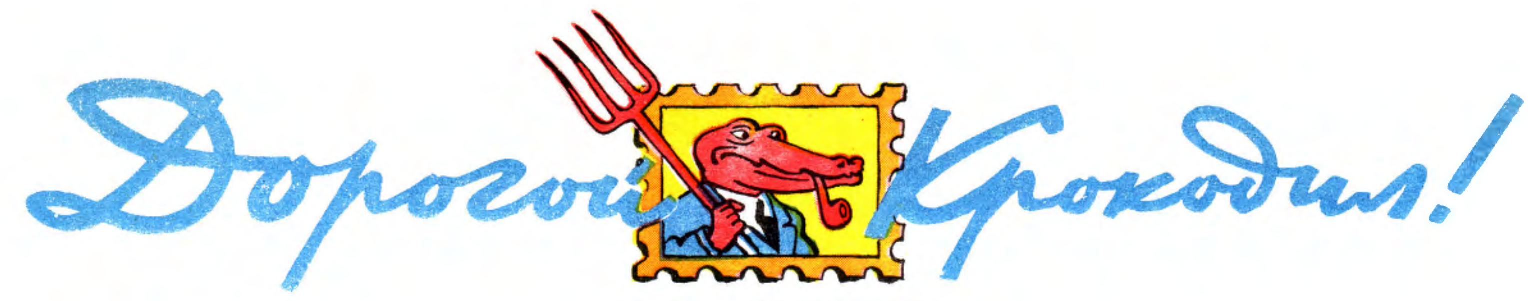
В книге, изданной в «Молодой гвардии», таких «сдержанных» моментов несколько меньше, но и их достаточно, чтоб задать резонный вопрос: что сдерживало редакторов книги В. Яковлеву и А. Липатова от того, чтобы лучше отредактировать книгу молодого писателя?

КАК НИ СТРАННО, НО...

...руководители шахтостройуправления г. Нелидова, Великолукской области, предпочитают привозить шлак издалека, за сотни километров, хотя точно такой же шлак имеется тут же, под боком.

А что, если окончательно закапризничают в Нелидове и захотят возить воду для строительного раствора только из Байкала, через всю великую Сибирскую магистраль, а песок — из Кара-Кумов?

...в Ворошиловграде, над зданием по улице Почтовой, мирно уживаются две взаимно исключающие друг друга вывески: «Тир» и «Промтоварный магазин». В пропахших порохом стенах установлены прилавки, вместо мишеней разместилась чулочно-носочная продукция. И вот уже три года владелец тира, ДОСААФ, даже с помощью решений исполкома не может выбить непрошенных гостей из своего помещения.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

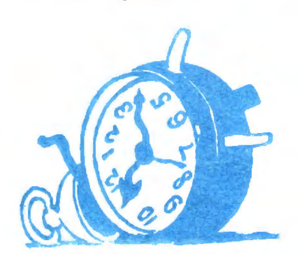
Дорогой Крокодил!

Помоги мне разобраться, как пользоваться будильником, выпускаемым 2-м часовым заводом. Эти будильники идут только в горизонтальном положении, причём лёжа циферблатом вниз. Если нужно узнать время, берите будильник в левую или правую руку, поднимайте его выше головы, чтобы виден был циферблат. Я глубоко убеждён, что это не единственный способ, а потому решил просить тебя, дорогой Крокодил, подсказать более удобный.

А. НАБОКИХ, полковник.

Москва.

От Крокодила. Не считая себя достаточно компетентным в таком сложном вопросе, прошу высказаться директора часового завода тов. Буторина.

Дорогой Крокодил!

Заведующий нашей опытной ветеринарно-бактериологической лабораторией Михаил Фёдорович Кулешов, заботясь о пользе науки, производит над животными оригинальные опыты.

Он, например, стрижёт с подопытных баранов шерсть и заказывает себе из этой шерсти за счёт лаборатории валенки. Он длительное время проверяет на своей корове качество казённых кормов, а на собственных птицах — качество зернофуража. Экспериментирование так увлекает Кулешова, что он из пределов зоологии переводит свои опыты в область финансовую.

Для оплаты квартиры и коммунальных услуг он успешно применяет государственные средства.

Обогатят ли эти опыты науку, мы не знаем, но кулешовский карман они, без сомнения, обогащают.

С. ИВАНОВ

с. Октябрьск, Чкаловской обл.

Дорогой Крокодил!

Как лучше всего бороться с пожаром? Срочно вызвать пожарную машину? Вот этого-то в нашем строительном управлении МПС как раз и не могут сделать.

В прошлом году управление получило новую пожарную машину. Нашлись добровольцы организовать пожарную команду. Но начальнику управления тов. Трушникову всё это показалось слишком хлопотным, и он распорядился опечатать машину и сарай, где она стоит.

Хорошо ещё, дорогой Крокодил, что мы пока не испытываем надобности в этой машине, а случись пожар, как поступит тов. Трушников? Опечатать место пожара, как он это сделал с пожарной машиной, ему вряд ли удастся.

В. ДЕЕВ

г. Челябинск.

Дорогой Крокодил!

Люди, ведающие благоустройством нашего посёлка Северный, подобны фейерверку: вспыхнут на мгновение и погаснут. Осенью прошлого года они направили в посёлок мощные землеройные машины. С необычайной быстротой машины прорыли канавы для канализации. Но, увы, трубы не были проложены, так как к этому времени созидательный порыв строителей угас.

Такая же история произошла и при прокладке трамвайной линии. Могучие самосвалы и бульдозеры наворотили на улицах посёлка горы земли, но до укладки рельсов дело не дошло.

Не скажешь ли ты нам, когда кончится это строительное вспышкопускательство?

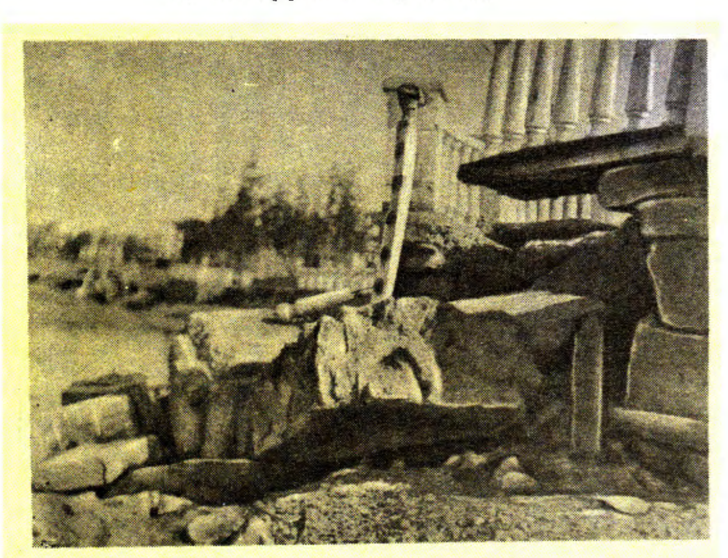
М. ЮРГАНОВ

Ростов-на-Дону.

МОЛОДЫЕ РУИНЫ

Если бы это была фотография развалин римского Колизея или откопанных улиц Хара-Хото, было бы не удивительно: те и другие имеют многовековую давность, и развалиться им не грех. Но на снимке фигурирует веранда на набережной в городе Краснотурьинске, Свердловской области, на... третьем году жизни. Была она воздвигнута стараниями управляющего трестом Базстрой П. Д. Гиренко на излюбленном месте отдыха краснотурьинцев, но потом предана забвенью, как и фонтан и водная станция.

Восстанавливать плохо выстроенную веранду П. Д. Гиренко не собирается: он, видимо, считает, что развалины придают окрестностям более живописный вид. Да, впрочем, ему и некогда этим заниматься, он занят более практическим делом: в роще, на набережной, где отдыхали краснотурьинцы, он отвёл сам себе участок и воздвигает новый коттедж. Возмущённые лица трудящихся города он не видит: его усадьба обнесена высоким и плотным забором.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

◆ В № 8 Крокодил просил слова по поводу неблагоустройства новых посёлков объединения «Азнефтезаводы» и «Азнефтестрой». Обсудив выступление Крокодила, Министерство нефтяной промышленности СССР обязало «Азнефтезаводы» и «Азнефтестрой» в текущем году построить в посёлках магазины, ларьки, предприятия бытового обслуживания, а также обеспечить строительство подъездных дорог и асфальтировку улиц.

◆ В № 9 сообщалось о том, что директор Нукусской средней школы (УзССР) Сулейманов устроил себе квартиру в пионерских комнатах.

В настоящее время Сулейманов из пионерских комнат выселен.

◆ В том же номере был помещён фельетон Х. Херсонского «О рыбаках и рыбках», в котором рассказывалось о браконьерстве и хулиганстве управляющего Калининским рыбтрестом Журавлёва и инспектора рыбнадзора Цибизова.

На Журавлёва наложено взыскание, Цибизов с работы снят.

◆ Начальник сельхозотдела дорурса Южно-Донецкой железной дороги Сальков не терпел критики и оказывал административное давление на редактора стенной газеты Ларикова. Об этом рассказывает фельетон Д. Беляева «Как мыши кота хоронили», напечатанный в № 10 Крокодила.

На Салькова наложено партийное взыскание, Лариков от работы редактора отстранён.

◆ Читательница Крокодила А. Захарова жаловалась на плохое качество мыла, выпускаемого Сталинабадским мыловаренным заводом.

После опубликования письма Захаровой в № 13 рецептура мыла изменена и завод приступил к выпуску доброкачественного мыла.

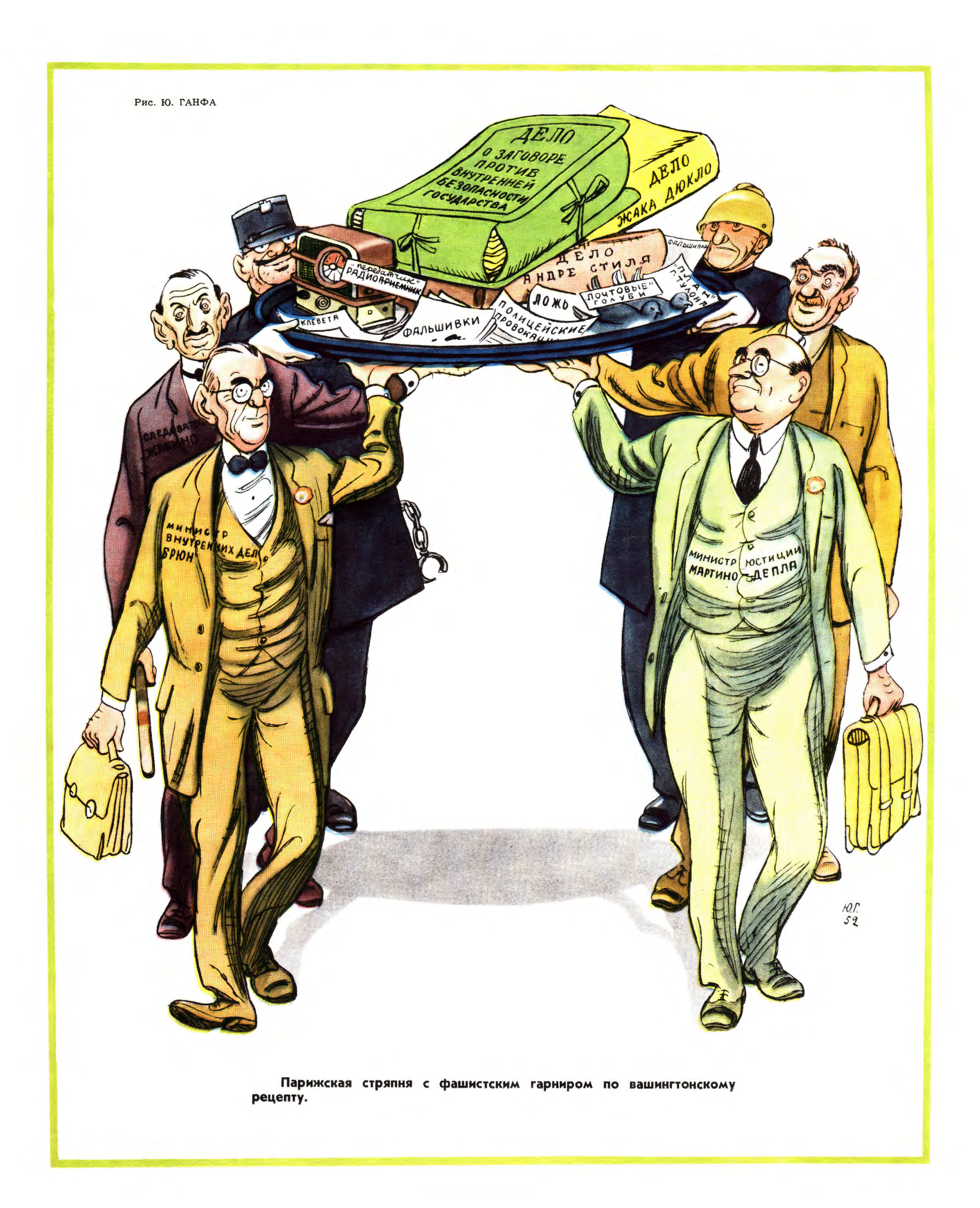
Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно с 13 до 17 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 493. Подписано к печати 21/VI 1952 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 04425. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1641. Тираж 300 000 экз.

Рис. Ю. ГАНФА

Парижская стряпня с фашистским гарниром по вашингтонскому рецепту.